

продолжениях. Наличие *-x-* и производного *-š-* противоречит индоевропейской праформе **uleip-s-*, принимаемой и автором словаря (см. *lis*, стр. 277). По нашему мнению, единственное объяснение отклоняющихся форм типа зап.-слав. **liška* должно идти от семасиологии и мифологических воззрений: речь идет о животном, имя которого традиционно окружено суевериями, которые усилили созвучие названия животного **lišъ*, **liška*, **lisica* и прилагательного **lixъ* 'дурной, плохой' и вызвали к жизни формы вроде **liška*. В статье *liszka* 2. 'личинка насекомого, гусеница' (стр. 292) автор почему-то не упоминает близкого русск. *личинка*, которое делает возможным правдоподобное объяснение польск. *liszka* 'личинка' из **liczka*, причем отпадает необходимость в семантических натяжках вроде сближений с *lis*, *liszka* 1. 'лисица' «от волосатости» или с названием болезни **lišajъ*. Значения болг. *лит* 'редкий (о ткани)', макед. *лит* 'порванный, ободранный' настолько выпадают из значений продолжений праслав. **litъ* 'литой, литый, пролитый и т. д.' в остальных славянских языках, образуя вместе с тем единый географический болгаро-македонский ареал, что поневоле возникает вопрос о возможности прямого влияния здесь со стороны формы и значения греч. *λυτός*, прич. страд. прош. от *λύω* 'распускать, делать жидким, уничтожать'. Ф. Славский проходит мимо этих характерных особенностей болгарско-македонского слова.

О. Н. Трубачев

K. Polański.

Słownik etymologiczny języka Drzewian połabskich.

Zeszyt 3: *l'ôdû — perë*. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk. 1973, стр. 349 — 504

Продолжается публикация полабского этимологического словаря, предыдущие выпуски которого уже получили отклики на страницах «Этимологии». Структура и характер словарных статей этого не совсем обычного по материалу и задачам этимологического словаря остатков языка полабян сохраняют свою стабильность и обнаруживают в полном объеме положительные качества, о которых здесь можно не говорить, отослав к нашим рецензиям на выпуски первый и второй.

Ограничимся поэтому обсуждением конкретного языкового материала. Наши замечания, сообщаемые ниже, — двоякого рода: одни из них содержат критику авторской трактовки полабских слов и форм, другие вызваны желанием обратить внимание на какой-либо малоизвестный или любопытный факт. Напр., на стр. 362 читаем статью, посвященную полабскому слову *maŕnëk* м. р. 'каменщик', производному имени деятеля, образованному от глагола *maŕfojë* 'мурует, кладёт стену' с суффиксом *-nëk* (*-nikъ). В других (главным образом западных) славянских языках представлены синонимичные образования от этого заимствованного корня с другим суффиксом: польск. *murarz*, словин. *mulăr*, н.-луж. *muřar*, в.-луж. *murjer*, *muler*, слов. *murár*, укр., блр. *муляр*, приводимые также Полянским (точнее будет сказать, что всё это в конечном счёте заимствования из немецкого, включая суффиксальное оформление, ср. нем. *Maurer* 'каменщик'). Любопытно отметить, что ни один славянский язык, кроме полабского, не образовал формы **murnik*. Тем интереснее в данной связи обратить внимание на лит. *mūrininkas* 'каменщик', особенно лтш. *mūrnīeks* то же¹, которые представляют собой весьма полное соответствие полабскому слову с той, однако, существенной оговоркой, что балтийские имена деятеля по всем признакам самостоятельно произведены с помощью балтийского

¹ K. Mülenbacha Latviešu valodas vārdnīca. Ridiģejis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns. XIX. burtnīca. Rīgā, 1926, стр. 678, 679'

суффикса от глагола немецкого происхождения. Здесь можно усматривать, разумеется, только свободный типологический параллелизм полабского и балтийского. Латышская форма, употребительная и как фамилия (*Murnieks*), проникла, между прочим, и в русскую региональную антропонимию, ср. фамилию *Мурникова* в Прибалтике.

Словообразовательно интересна аргументированная реконструкция формы **męsъje* на основе полаб. *mąse / mąsi* ср. р. 'мясо' (стр. 371). Производного с суффиксом *-ъje* от этого имени не знает ни один славянский язык, кроме полабского. К числу словообразовательных архаизмов, по-видимому, ещё индоевропейской поры принадлежит полаб. *müzdin* м. р. 'мозг', характерное производное **moždž-enъ* (наряду с польск. *możdzeń* 'костяной нарост на лбу у полорогих животных в основании рога', н.-луж. *mórzony* мн. ч. 'мозг', др.-русс. *мождени* то же), ср. др.-прусск. *muzgeno* ж. р. 'костный мозг', лит. *smāgenis* мн. ч. (< **mazgen-*) 'мозг', *smāgenės* мн. ч. то же, др.-инд. *majján-* м. р. 'сердцевина'. См. об этом обстоятельно на странице 414.

Форму **vyšъnjъ*, реконструируемую из полаб. *navoisně* 'высший, наивысший', Полянский, как мне думается, неточно определяет как первоначальный суперлатив (стр. 425). Подобно слав. **vyšъšъjъ* (русс. *высший*, польск. *wyższy* и т. д.) слав. **vyšъnjъ* или **vyšъn'jъ* (ст.-слав. *вышънъ*) развило значение суперлатива вторично из компаратива, выраженного в обоих случаях с помощью исконно компаративного форманта *-is-*². Рассматривая образование **nedъno*, **nedъnovъ* 'бездна, бездонный', не имеющие за пределами полабского соответствий в других славянских языках (стр. 428), естественно было бы поставить вопрос о наличии здесь кальки с нем. *Ab-grund* 'бездна'. В случае с полаб. *něrvodě* 3 л. ед. ч. наст. 'запругает', вместо приводимого сближения с 'точным формальным соответствием' в русск. диал. *наповодить*, *наповаживать* 'приучать к чему дурному' (Даль) (стр. 436 словаря Полянского), уместно сравнение с семантически более близким русск. *повод* (мн. ч. *поводья*) и словосочетанием *на поводъ*. На стр. 448 автор сообщает о своих колебаниях в связи с реконструкцией праформы **načędlo* (или **-dlo*), откуда ст.-слав. *начало*, русск. *начало*, причем он подчеркивает, что «это слово не отмечается в западнославянских языках». Сейчас это мнение в сущности устарело, потому что стало известно кашубско-словинское *čędlo* ср. р. 'малое количество' (В. Sychta. *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej* I, 177), которое восходит к древнему **čędlo*, бесспорно лежащему в основе праслав. **načędlo* и снимающему всякие сомнения относительно суффиксальной природы последнего.

Интересен каузативный характер полаб. *napět* (**napiti*) 'напоить' (стр. 453). Полаб. *pačsenъ* в выражении *pačsenъ paškъ* 'кровяная колбаса' автор характеризует как слово, не имеющее надёжной этимологии (стр. 488). Может быть, связано с праслав. **plъtъ* (ст.-слав. *пльть* *сърѣ*, русск. *плоть*)? Ср. вокализм полаб. *rāpn* 'полный' < **rplnъ*. Так же («надёжная этимология отсутствует») определяет Полянский и полаб. *papil* м. р. 'жук, шмель' (стр. 495). Здесь он, к сожалению, не упоминает даже своей вполне реальной реконструкции древней формы этого слова как **pępęlъ*³. Последнее восходит к классической редупликации **pęlpęlъ*⁴.

О. Н. Трубачев

² Форма **vyšъn'ъ* в таком случае — из **vyšъzn'ъ*, где *-ъx-* (с утратой *-x-* перед *-n-*) восходит к тому же суффиксу сравн. степени в нулевой огласовке. См. об аналогичных образованиях: В. М. И л л и ч - С в и т ы ч. Чеш. *první* 'первый' — инновация или архаизм? — «Этимология». М., 1963, 84.

³ K. P o l a ŋ s k i and J. A. S e h n e r t. *Polabian-English dictionary*. The Hague — Paris, 1967, стр. 108.

⁴ Подробнее см. О. Н. Т р у б а ч ё в. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике. «Этимология. 1968». М., 1971, стр. 61—62.